

Перевод: Вака-ssi

Корректор: Хороший яойщик, годный

Редактор: Ран Тянович

Вычитка: Silver, Ран Тянович

Оформитель и QC: Ран Тянович, Yaranaika

<http://im.ucoz.com>

<https://vk.com/illusionnew>

Летние каникулы

Часть 2

Стрёкот цикад не замолкал ни на минуту. Нао охватила паника: казалось, непрерывное жужжание вот-вот проникнет и в голову — и мальчик закрыл оба уха ладонями. Как-то один его друг сказал, что развод — это когда мама и папа больше друг другу не нравятся. Отец больше не любил маму, а мама не любила отца. Раз папа ненавидит маму, значит, он возненавидел, наверное, и Нао ещё до того, как тот появился на свет. Поэтому и не сказал тому мужчине, что в гости приехал «сын». *Думаю, он обо мне как о своём сыне и думать не хочет. Если бы я не родился... нет, наверное, отец был бы рад, если бы меня не было...*

В классе Нао учились ещё двое ребят, родители которых тоже развелись. Оба живут с мамами, но, говорят, видятся с отцами раз в два или три месяца.

— Мы ходим вместе в парк аттракционов или на футбол. И много-много болтаем. Я очень люблю папу... Нао, а ты так и не встретишься с папой?

Нао казалось, что если бы он смог увидаться с отцом, они бы проводили вместе время за играми и разговаривали обо всём на свете... Нао должен походить на этих детей. Он всегда считал, что отец останется отцом, пусть родители и развелись.

Сев в поезд два дня назад, мальчишку охватило непередаваемое волнение. В голове пробегали мысли о том, какие интересные открытия его ждут, и он даже вообразить себе не мог, что может произойти что-либо настолько неприятное и грустное.

Поблизости зашуршала трава. Сиро подошла вплотную к ребёнку — стоило протянуть руку, и Нао мог её погладить. Хвост кошки стоял торчком, а на мордочке застыло ехидное выражение. *Я упал в коридоре из-за тебя. Если бы не ты, папа бы не разозлился на меня. А если бы ты не убежала после того, как разбились тарелки, папа не подумал бы, что я всё свалил на тебя, пытаюсь оправдаться.*

Нао схватил и резко дёрнул Сиро за хвост. Кошка зашипела, выставив напоказ зубы, и полоснула Нао по руке своими острыми когтями.

— Ай!

Нао отпустил животное. На глубоких царапинах на тыльной стороне ладони тут же выступила кровь. Все мысли затмил внезапно вспыхнувший в сердце гнев. Нао схватил валявшийся поблизости камень величиной с бейсбольный мяч и со всей силы швырнул его в белую кошку.

Мальчишка был далеко не спортсменом: бегал медленно, прыгать высоко не умел, и метко кидать мячи у него никогда не выходило. У него ни разу не получилось послать мяч прямо, но сегодня впервые камень смертельным снарядом устремился прямо

вперёд и попал Сиро в голову. Кошка успела только сдавленно мяукнуть и, выгнув спину, завалилась на бок.

— ...что ты делаешь?!

Нао-то думал, что Китагава спал всё это время, но сейчас он стоял на крыльце и сверлил ребёнка немигающим взглядом. *Он видел, как я бросил камень. Видел меня...* Нао сморщился, готовый вот-вот расплакаться.

Китагава босиком выскочил во двор и поспешил к кошке. Белоснежно-белая шёрстка около правого уха Сиро окрасилась в ярко-красный цвет... Рана обильно кровоточила. Нао будто окунули в холодную воду.

— Эй, Сиро! Сиро...

В ответ на зов Китагавы Сиро попыталась подняться, но снова без сил упала навзничь. После второй попытки её хрупкое тельце совсем замерло.

— Он-на умера... — руки мальчика, упирающиеся в мягкую траву возле колен, яростно затряслись. — С-сиро умерла?

Это папина кошка, а я её убил. Именно я! О нет, о нет... Теперь папа меня никогда не простит. В глазах всё поплыло от слёз.

— Прости. Прости, я...

Китагава кинулся в дом и через несколько мгновений вернулся с небольшой картонной коробкой и полотенцем в руках.

— ...мы отнесём её в больницу.

Он постелил на дно коробки полотенце, осторожно положил в неё Сиро и побежал. Побежал, потому что велосипеда больше не было. Нао, задыхаясь, рванул за ним следом. Они пересекли небольшой мост и свернули направо. Несколько минут бега на

пределе возможностей — и впереди показалась вывеска ветеринарной клиники.

В больнице Сиро сразу же забрали на осмотр. Хозяев попросили подождать в приёмной, и Нао уселся на коричневый диван вплотную к Китагаве. Мальчик надрывно плакал весь путь до клиники. «Сиро, Сиро, прости меня, прости!» — снова и снова про себя молил он о прощении. *Если Сиро умрёт, папа возненавидит меня сильнее прежнего.* Слёзы ещё отчаяннее заструились из опухших глаз.

— Сиро умрёт?..

— Не знаю, — пробормотал Китагава.

— Они спасут Сиро?

— Кто знает.

Сколько бы раз Нао не задавал один и тот же вопрос, Китагава упорно отвечал «не знаю». В операционной, куда забрали кошку, не было других животных, а в приемной, где они остались ждать, кроме них самих не было ни души. В больнице царила полнейшая тишина. Солнечные лучи, пробивавшиеся через жалюзи, обжигали ноги.

— Зачем ты бросил камень в Сиро? — негромко спросил Китагава. Нао яростно замотал головой.

— ...не знаю.

— Быть такого не может. Я видел, как ты его бросил.

Нао сжал ладони на коленях в кулаки.

— ...потому что я... разозлился...

— А зачем кидать в кошку камень, если ты злишься?

— Потому... потому что я разбил тарелки из-за того, что она мешалась под ногами. Я сказал, что кошка во всём виновата, но папа решил, что я сам споткнулся и упал.

— Такафуми сказал, что ты споткнулся и упал из-за кошки. Ты ведь всё ему объяснил, верно?

— Да, но...

— Такафуми не говорил, что ты обманываешь.

— Но... но это было написано у него на лице!

Китагава кинул на мальчика озадаченный взгляд. Щёлкнул замок, и дверь в операционную отворилась. Нао встретился взглядом с молодым ветеринаром, и тот улыбнулся.

— С Сиро всё будет в порядке. Рентгенограмма и томография не выявили никаких внутренних повреждений. Рана на голове незначительная. У Сиро всего лишь небольшое сотрясение. Единственное, меня беспокоит, что кровотечение может возобновиться, поэтому мы бы хотели оставить её здесь на ночь, чтобы понаблюдать за её состоянием.

Услышав, что Сиро выкарабкается, Нао испытал такое облегчение, что все силы, поддерживаемые напряжением и беспокойством, казалось, вмиг покинули его тело. Когда после осмотра мальчик увидел безжизненное тело спящей в белой клетке Сиро, на глаза вновь навернулись слёзы.

Китагава за руку вывел рыдающего Нао из ветеринарной клиники. Но домой они направились не сразу, а свернули сначала в небольшой парк поблизости. Мужчина усадил Нао на скамейку, а через мгновение мальчишке прилетела весома затрещина.

— Теперь вы квиты. Я уверен, что Сиро намного больше, но кошки не могут ответить людям ударом на удар.

— Ай, больно... больно... — всхлипнул Нао.

Пульсирующая боль волной пронеслась от головы по всему телу.

— Больно?

Нао кивнул.

— Если больно, никогда больше не делай ни людям, ни животным того, что кажется тебе грубым или обидным. Сиро вытерпела намного большую, в сто раз большую боль, чем эта.

— ...прости... прости...

— Ты должен извиняться перед Сиро, а не передо мной.

— Н-но... Сиро же не поймёт...

— То есть, по-твоему, ничего и не надо делать, раз она не поймёт?

В груди защемило, и Нао погрузился в раздумья. «Мяу-мяу», — вот всё, что может ответить Сиро. *Что же мне сделать? Что?*

— Не знаю я, не знаю! — выкрикнул он раздражённо.

Огромная ладонь легонько шлёпнулась мальчику на голову.

— Когда Сиро окажется завтра дома, позаботься о ней.

— ...хорошо, — тихо, но отчётливо ответил Нао. Да... он будет о ней заботиться. Будет приносить ей много вкусной еды, гладить... Очнувшись от мыслей, Нао поднял голову. Китагавы рядом не оказалось. Он исчез.

— Одзи-сан, одзи-сан!..

Нао обежал весь парк, но так его и не обнаружил. Его бросили, оставили одного... когда мальчишка в полной мере осознал случившееся, ему показалось, что он остался один-одинёшенек на всём белом свете. Брошенный. Одинокий. Напуганный... *Нет, нет, нет! Не оставляй меня! Не оставляй меня здесь!*

Нао выбежал из парка, и тут кто-то выкрикнул его имя. Мальчик обернулся. С противоположной стороны дороги его звал Китагава. Как

только все машины проехали, он пересёк проезжую часть и присоединился к Нао. Мальчик обхватил мужчину руками за талию и расплакался.

— Эй, что такое? — Китагава погладил Нао по щеке, встревожено вглядываясь в его лицо. — На улице так жарко, и я решил купить чего-нибудь холодного. Вот, ешь.

Китагава протягивал ему огромный вафельный рожок с мороженым. Нао набросился на угощение. Мороженое было сладким и очень вкусным, Китагава снова был рядом, но веки по-прежнему щипало от слёз, а сердце всё так же болезненно ныло.

— Обычно я не поступаю так плохо. Я не бросаю камни в животных и не задираю друзей.

Китагава с хрустом отправил последний кусок вафельного стаканчика в рот.

— Такие вещи нельзя делать даже иногда. Не делай другим людям того, что тебе самому не нравится. Ты должен это хорошенько уяснить, иначе не станешь хорошим взрослым.

Одзи-сан был большим, высоким, взрослым. Рядом сидел настоящий взрослый человек, но Нао стали одолевать мысли: каким же должен быть действительно хороший взрослый?

— Я не понимаю, что такое хороший взрослый.

— Я же тебе только что сказал. Не делай другим того, что тебе самому не нравится. И не позволяй другим людям делать это с тобой. Если будешь следовать этим правилам, никогда не свернёшь с верного пути. И станешь очень хорошим парнишкой.

Мороженое Нао потихоньку таяло, и маленькой струйкой уже бежало по большому пальцу. Мальчик слизнул с руки лакомство кремового цвета. На языке остался едва уловимый аромат земли.

— Я хочу стать таким же взрослым, как ты, одзи-сан.

— А вот это не стоит, — сразу же отрезал мужчина.

— Почему? Если я буду делать только добро, то стану таким же хорошим взрослым, как ты, правильно, одзи-сан?

— В прошлом я совершил плохой поступок. Я не знал, чем хорошее отличается от плохого, и поэтому сделал одну ужасную вещь.

Нао внимательно посмотрел Китагаве в лицо и задумчиво склонил набок голову.

— А по тебе и не скажешь.

Китагава прищурил глаза.

— Мне кажется, ты никогда не совершал ничего плохого, — настаивал на своём Нао.

Мужчина медленно положил правую ладонь себе на грудь.

— Может, и не видно, но внутри меня живёт зло. За тот мой поступок меня схватила полиция, и я очень долгое время провёл в тюрьме. Но то, что лишь я один попал за решётку, тоже неправильно.

Нао не понял, что имел в виду мужчина.

— Я убил человека.

Повисла пауза, и стрёкот цикад над их головами усилился в разы. Нао знал, что этим словам следует удивиться, но они его ни капли не поразили. Однако и в правдивости признания он также не сомневался.

— Мне было девятнадцать. Мама сказала мне убить одного человека. Я не стал предаваться размышлениям и просто его зарезал.

Полиции я не сказал, что убить его мне приказала мать. И это было неправильно. Конечно, я заслужил наказание за убийство, но мать тоже должна была получить своё наказание. Мама поступила плохо, приказав мне убить человека. Но в то время я не понимал, чья в том вина, и не знал, что нужно делать... понятия не имел.

Китагава перевёл взгляд на Нао.

— Нао, ты меня боишься?

— Нет.

В глазах мужчины пронеслась искорка улыбки.

— Ну, я научил тебя, как правильно поступать. Пока твоё сердце будет следовать этим правилам, ты не сойдёшь с верного пути.

Оглушающий стрёкот цикад не замокал ни на мгновение.

— Чёрт, как же парит-то, — пробормотал Китагава, вытирая ладонью взмокший лоб.

— Одзи-сан, а где твоя мама сейчас?

— И сам не знаю. Я не видел её с того самого случая.

— А папа?

— Бездельничает где-нибудь.

— А где живут те, кто бездельничает?

— Кто знает, — пожал плечами Китагава, затем взял мальчонку за руку и поднялся со скамьи. — Кстати, я знаком с твоей мамой.

— Что? Правда?

Мужчина выразительно кивнул.

— Твоя мама хороший, добрый человек. Такафуми, твой папа, тоже хороший человек. Он заботливый, умный, честный. Намного лучше, чем я.

Нао надул губы.

— Ты должен гордиться своими папой и мамой. Ты без зазрения совести можешь хвастаться ими перед своими друзьями. А самому тебе нужно помнить одно — есть добро и есть зло. Только это.

Друзья неторопливо побрели к дому, держась за руки. Нао со всей силой сжимал огромную ладонь. Подле них по тропинке бежали их короткие тени. Жарко невыносимо, но мальчишка весь светился от счастья — как здорово гулять вот так по улице, держась за руки.

— Одзи-сан, может, ты знаешь что-нибудь и о моей старшей сестре?

Мужчина резко остановился, будто прирос к земле.

— Папа не станет рассказывать о моей мёртвой сестре.

— Ты имеешь в виду Хоноку?

— Её звали Хонока? — прелестное имя приятно ласкало слух, в воображении всплывал образ невесомого пушистого комочка хлопка.

— ...Хонока была милым ребёнком. Но лучше не говори о старшей сестре в присутствии мамы или Такафуми.

— Почему?

— Потому что взрослым очень тяжело вспоминать своих мёртвых детей. Ты же не хочешь огорчать папу или маму, верно?

— ...нет, — замотал Нао головой.

— Я расскажу тебе о Хоноке, — пообещал Китагава.

Нао решил, что они пойдут уже домой, но собеседник повёл его вдоль реки. Они всё брели и брели по тротуару вдоль воды, пока не подошли вплотную к огромному мосту, перекинувшемуся с одного на другой берег широкой реки, что уносилась куда-то вдаль. Далеко-далеко виднелся искрящийся океан. Когда половина моста осталась

позади, мужчина остановился, немного отступил от поручней и сложил ладони вместе у груди.

— Нао, повторяй за мной.

— Зачем?

— На удачу.

Мальчик повторил за взрослым его странное действие. Потом Китагава взял его за руку, и они вновь пустились в путь. Одзи-сан обещал, что расскажет о сестре, но Нао не задавал вопросов, чувствуя, что нельзя его торопить. Мужчина тоже погрузился при упоминании о ней.

Подойдя к дому, друзья заметили, что ворота чуть приоткрыты. Нао решил, что отец вернулся раньше их, но за воротами мальчика ждал сюрприз. Взгляд наткнулся на белую юбку и большую широкополую шляпу. У входной двери стояла мать.

— Нао!

Мама подбежала к ребёнку, присела на корточки и крепко обняла сына.

— Я... я так волновалась!

Её крепкие объятия не могли лгать.

— Прости, — тихонько пробормотал Нао.

— Когда бабушка рассказала мне всё, я думала, моё сердце остановится. Прodelать весь этот путь в одиночку... а если бы ты потерялся? А если бы тебя похитили?!

Мама поднялась во весь рост. Всё так же держа Нао за руку, она вперила в Китагаву яростный взгляд.

— Вы с Доно с ума посходили! Вы думали, я позволила бы такому маленькому ребёнку добираться сюда самостоятельно?! Почему вы не позвонили ни мне, ни моей матери?!

— ...простите, — извиняясь, поклонился Китагава.

— Папа и одзи-сан не виноваты, — запротестовал Нао. — Я соврал бабуле и приехал сюда сам. Мне очень-очень хотелось увидеться с папой... поэтому...

— Это разговор взрослых людей. Не вмешивайся, — сурово цыкнула на него мать.

— Такафуми пытался с вами связаться, — произнёс Китагава. — Без конца названивал вам на сотовый. Вы ведь были за границей, верно?

Лицо Мариико вмиг окрасилось румянцем. Она прикусила губу.

— Ну и что?! — воскликнула она обвиняющим тоном. — Вы пытаетесь сказать, что я безответственная мать, раз отправилась в путешествие, бросив ребёнка?

— Нет, я просто... — мужчина совсем растерялся.

— Это моя жизнь. Этот ребёнок — мой сын. Ни один из вас не имеет к нему никакого отношения.

С каждой секундой женщина заводилась всё больше. Китагава не нашёл, что ей возразить.

— Вы вообще умеете рассуждать здраво? Да как вам могла прийти в голову мысль, что я позволю ему жить в семье с двумя мужчинами? Я забираю Нао. Пожалуйста, даже не пытайтесь с ним больше связаться.

Мать дёрнула сына за руку и потащила за ворота.

— Мам, стой... мой рюкзак, — вспомнил мальчишка и упёрся пятками в землю, не позволяя ей себя увести. — В доме остался рюкзак, там очень важные вещи. Я должен забрать его.

Мать явно не желала отпускать Нао, но в итоге сдалась и разрешила сбегать за сумкой. Мальчик забрал рюкзак из гостиной с низким столом. *Мама говорила, что возвращается сегодня утром, но я совершенно об этом забыл.*

— Ты солгал матери, когда собирался к нам? — услышал Нао голос Китагавы за спиной, но обернуться был не в силах. Не смел взглянуть в его глаза.

— ...мама даже папиного имени не хотела говорить, — пожаловался мальчик. — А мне так хотелось его увидеть. Поэтому я наврал бабушке и вынудил её дать мне ваш адрес.

Нао думал, что одзи-сан, как и мама, станет кричать и разбушует, как ураган, но вместо этого тот лишь погладил ребёнка по голове.

— Не заставляй маму слишком переживать, — пробормотал он.

Нао накинул на плечи рюкзак и наконец повернулся к Китагаве. Взрослый протягивал маленькому другу бумажный пакет.

— Забери с собой, — сказал он. Нао заглянул внутрь и увидел большую пачку фейерверков. — Пусти их со своими друзьями, — продолжил он.

— Ладно, — кивнул мальчишка. *Так много.* «Жаль, мне нельзя запустить их в этом саду», — подумалось ему.

— Знаешь, их купил Такафуми.

Нао поднял взгляд на Китагаву — из-за доброй улыбки от уголков его глаз побежали мелкие морщинки.

— И это он купил второй футон. Такафуми просто очень удивился твоему внезапному визиту. Он не испытывает к тебе ненависти. Ни один взрослый не станет покупать хлопушки и отпрашиваться с работы, чтобы провести время с ребёнком, которого ненавидит.

В груди защемило от боли. Готовый вот-вот разрыдаться, Нао судорожно сжал в руках пакет с фейерверками. Китагава потрепал мальчика по макушке.

— Прости, — извинился он, но Нао не понял, за что он просил прощения.

Мужчина довёл мальчика за руку до входной двери и передал матери.

— Одзи-сан, а... а где папа? — недавно Нао так его боялся, а теперь умирал от желания снова его увидеть. Увидеть папу.

— Наверное, отправился купить нам обед. Скоро должен вернуться.

Мальчонке хотелось подождать отца, но мать всё тянула за руку. И всё-таки он успел напоследок обернуться к одзи-сану.

— Мне можно будет приехать поиграть ещё раз? Можно приехать снова? Можно извиниться перед Сиро?

— Конечно, можно, — ответил Китагава.

— Одзи-сан, одзи-сан, ты передашь папе моё «спасибо». Предашь, что мне очень жаль? Пожалуйста... пожалуйста...

Мать практически силком тащила Нао к воротам, без конца больно дёргая за руку. *Хочу увидеть папу, поблагодарить за фейерверки.* Нао задевало нежелание матери разрешить ему проститься с отцом. Он прижал к груди драгоценный пакет и зашмыгал

носом, покорно шагая за ней. Скоро заплакала и мама. Прислонившись к забору, она спрятала лицо за ладонями. Её плечи мелко тряслись.

— Мам, что случилось?

Она не отвечала. Нао впервые в жизни видел материнские слёзы и совсем не знал, как же её успокоить.

— Мам, не плачь. Пожалуйста.

Женщина от этих слов лишь громче стала всхлипывать и, притянув мальчика к себе, сжала его в удушающих объятиях. Вскоре слёзы наконец остановились, и она вытерла мокрое лицо с покрасневшими глазами носовым платком.

За воротами раздался хлопок машинной дверцы — отец припарковал белый автомобиль у ограды. Нао взгляделся в невысокую фигуру — точно, папа... вернулся из магазина.

Забыв про мать, мальчик понёсся навстречу отцу ещё прежде, чем успел осознать, что делает. Только отец захлопнул дверь у пассажирского сиденья, как Нао со всей силы дёрнул его за край пиджака.

— Ой! — на лице отца читалось удивление. — Чт... Нао?

Нао сильнее прижал к груди пакет.

— П-пап, спасибо за фейерверки.

— Фейерверки? — пробормотал отец. — А, — вспомнил он и легонько кивнул, — это Кэй тебе их показал?

Нао кивнул в ответ.

— Давай пустим их во дворе, когда стемнеет? — Доно нерешительно потянулся к мальчику и погладил его по голове. Мягко.

Осторожно. Ребёнок задрожал всем телом, будто от электрического разряда, и глаза неожиданно заслезились.

— Нао! — зазвенел резкий голос матери за спиной. С пугающим выражением лица она подошла вплотную к ним и сжала детскую ручонку.

— ...давно не виделись, — сдавленно произнесла она.

— И правда, давно, — голос мужчины звучал как обычно.

— Вижу, ты как и прежде... с Китагавой-саном.

Доно опустил взгляд, задетый колючими нотками в голосе бывшей жены.

— Я забираю Нао домой, — продолжила она. — Спасибо, что позаботились о нём, — отчеканила женщина, отвернулась и дёрнула сына за руку. С каждой секундой они всё дальше и дальше удалялись от мужчины.

— Марико.

Плечи женщины передёрнулись от оклика, и она медленно повернулась к Доно.

— Я кое-что купил для Нао... Можно ему отдать?

Мать осуждающе поджала губы, посверлила немного взглядом землю и наконец отпустила руку сына.

— ...давай, — тихо проговорила она, чуть подтолкнув его в спину.

Нао метнулся к отцу. Тот вытащил из бумажного пакета, что держал в руках, кепку и одел её на голову ребёнку. Это оказалась детская бейсбольная кепка.

— Кэй говорил, что у тебя нет кепки.

— ...спасибо.

— Не за что, — улыбнулся отец, чуть прищуривая глаза, отчего в уголках образовались тоненькие морщинки. *Вот оно, то доброе лицо. То самое, что я видел на фотографиях.*

— Ну, пока. Береги себя...

...а за спиной Нао уже нетерпеливо звала мать.

Мама купила два билета на поезд, и они вышли на платформу, где им предстояло провести около двадцати минут в ожидании следующего состава: на ближайший мать с сыном опоздали. Кругом ни души, только мама и Нао.

Мальчик уселся на скамейку и стиснул в руках пакет с фейерверками. Мать приобняла сына за плечи и устало уткнулась щекой ему в макушку, задумчиво разглядывая океан перед глазами.

— Мам, почему ты ненавидишь папу?

Пальцы женщины сильнее впились в плечо ребёнка.

— ...я не испытываю к нему ненависти.

— Тогда почему вы с папой развелись?

Она ничего не ответила.

— Папа ведь такой хороший, — задумчиво протянул Нао и тут же получил звонкую пощёчину. От удивления мальчик разжал хватку на пакете, тот шлёпнулся на платформу, и драгоценные хлопушки разлетелись во все стороны у ног ребёнка. По губам матери пробежала судорога, казалось, она вот-вот снова расплачется.

— Думаешь, я не знаю? — женщина закрыло лицо ладонями и вся съёжилась, склонившись в этой неудобной позе к коленям. — Я знаю, что он добрый.

Послышались всхлипывания. Пощёчина досталась Нао, но отчего-то мальчику казалось, что он её заслужил. От маминых слёз заныло сердце, и сынишка тоже, принявшись собирать хлопущки, не удержался от негромких рыданий.

Постепенно платформа заполнилась пассажирами. Мамины слёзы высохли. Она нежно погладила Нао по щеке и сказала: «Прости, что ударила тебя».

Вскоре подошёл поезд, и из вагонов, держась за руки родителей, повалило множество детей. Наверное, они все приехали на пляж.

Нао любил маму, но ему так хотелось подольше поиграть с папой и одзи-саном. *Жаль, что мы так и не сходили в дом с приведениями...* От обиды на глаза снова стали наворачиваться слёзы.

Каникулы кончились, наступила школьная пора, и в первый же день Нао поведал друзьям о своём добром отце и забавном одзи-сане. Раньше мальчик завидовал счастливым рассказам ребят о любящих отцах, теперь же зависть будто растворилась в воздухе. *Мои родители разведены, но у меня замечательный папа. Я очень его люблю.* Наконец Нао мог с гордостью произнести эти слова. Он чувствовал себя счастливейшим ребёнком на свете. Купленная отцом кепка стала его дорогим сокровищем, и мальчик носил её всюду, не снимая.

— Следующим летом я снова хочу поехать к папе, — однажды заявил он матери, и та, как и в тот раз, когда отказывалась сообщать имя отца, так и теперь замотала головой и категорически заявила «ни за что». Но Нао не собирался сдаваться без боя, ведь все его мысли были заняты отцом и одзи-саном — так сильно он снова хотел их повидать.

Поначалу эти настойчивые просьбы сына доводили её практически до белого каления.

— Неужели ты так сильно любишь отца? Любишь даже больше, чем меня? — спрашивала она звенящим яростью голосом. Но в итоге женщина сдалась настойчивости и упрямству Нао и согласилась отправить мальчика к мужчинам, но с одним условием — только на три дня за все летние каникулы.

И с тех пор каждые летние каникулы Нао уезжал в тот приморский городок к отцу. На эти три дня Доно и Китагава брали отгул и всех себя посвящали мальчику, будто хотели за столь короткий срок восполнить упущенное время, что в течение всего года проводили вдали друг от друга. Нао купался в небесно-голубом океане, выгуливал Ао и пытался задобрить вкусными консервами Сиро, которая теперь возненавидела его всей своей кошечьей душой. Мальчишка пускал фейерверки у веранды, наслаждался летними фестивалями в соседнем городе... три дня проносились в одно мгновение.

Забавнее всего было играть с одзи-саном. Отец обычно просто стоял поблизости и наблюдал за их забавами, Китагава же воспринимал игры со всей серьёзностью и искренне расстраивался, когда проигрывал Нао.

Трёх дней, проведённых со второй семьёй, было мало, и Нао часами болтал по телефону с Китагавой и Доно. В средних классах паренёк стал чаще обращаться за советом к отцу, чем к матери: некоторые вещи обсуждать с мамой было неловко, к тому же рутинные домашние дела так её выматывали, что времени и сил выслушивать сына у женщины не оставалось.

Чаще всего трубку брал Китагава, и порою Нао так увлекался беззаботной болтовнёй с ним, что совершенно забывал, какой важный вопрос — главную причину звонка — он хотел обсудить с отцом.

Когда учёба в восьмом классе была в самом разгаре, мать сообщила мальчику шокирующую новость.

— В моей жизни есть один очень дорогой мне человек.

Весть о новом ухажёре матери стала ударом для мальчика, который втайне надеялся, что в один прекрасный день мать с отцом возобновят свои отношения. Удар был настолько ошеломляющим, что Нао сам не осознал, когда успел набрать знакомый номер. На другом конце провода сначала немного помолчали, а потом Доно негромким и спокойным голосом ответил:

— Нао. Мне кажется, замечательно, что твоя мама нашла любимого человека.

— Но это значит, что вы больше не...

— Прости, Нао, но я никогда не собирался возвращаться к маме. Эта правда оказалась мучительней, чем весть о любовнике.

— Н-но почему...

— Трудно объяснить, но... мы просто не можем быть вместе. Но ты всё равно останешься моим сыном, ничто этого не изменит. У нас с твоей мамой не получилось хороших отношений, но я очень хочу, чтобы она обрела счастье.

Эти слова принесли ему облегчение. Пусть у мамы новый ухажёр, пусть даже он станет Нао новым отцом, мальчик теперь точно знал — папа навсегда останется его настоящим и единственным отцом.

Одним майским вечером мама, её возлюбленный и Нао устроили совместный ужин. Мужчину звали Хироюки Тагути, и он на три года

был старше отца. Поначалу Нао чудилось, что мужчина чересчур нервничает в его присутствии, отчего настроение вмиг испортилось. Однако после нескольких стаканов лёгкого спиртного Тагути стал разговорчивым улыбчивым человеком, любящим от души посмеяться. В нём присутствовали, идеально дополняя друг друга, черты отца и одзи-сана.

После того ужина они провели вместе ещё четыре вечера, и в их последнюю встречу Тагути, жутко нервничая, завёл серьёзный разговор.

— Как думаешь, ничего, если мы с твоей мамой поженимся? — спросил он. Перед глазами Нао сразу же предстало лицо отца. *Тагути неплохой человек.* «К тому же он всё равно не станет мне настоящим отцом», — подумал мальчик.

Пауза всё затягивалась, и мать не спускала с сына встревоженного взгляда. О примирении с отцом не могло быть больше и речи. Папа сказал, что хочет видеть маму счастливой. Нао тоже желал ей только счастья.

— Ничего. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, — ответил Нао, глядя Тагути прямо в глаза, и медленно склонил голову в поклоне.

В июле они поженились. Свадьбу решили не устраивать, они с матерью просто взяли фамилию Тагути и переехали в чуть более просторную квартиру.

Нао Такамура стал Нао Тагути, но пусть новый отец, как подобает отцам, был теперь всегда рядом, мальчик так и не смог ни разу найти в себе силы назвать Тагути «папой». Нао продолжал упорно верить, что Доно навсегда останется его единственным отцом. Тагути, весёлый и добрый, не был, тем не менее, его настоящей

семьёй. Всего лишь человек, что жил с ними в одном доме. В душе Нао Тагути-сан остался просто-напросто «маминым мужем».

Экзамены остались позади, наступили летние каникулы, и Нао сообщил матери, что в этом году собирается провести у отца шестого, седьмого и восьмого августа. На лице матери застыло странно-удивлённое выражение.

— Зачем?

— В каком смысле? Я езжу к ним каждый год.

— Но отец здесь, дома.

Нао почувствовал себя немного задетым: такое впечатление, что она совсем позабыла о его настоящем отце в Канагаве.

— Да, но у меня только один настоящий отец.

Чувствуя нарастающее раздражение сына, мать, опустив взгляд, негромко возразила:

— ...Нао, я знаю, ты привязался к нему, но это грубо по отношению к твоему новому отцу. Ты ведь ни разу не называл Тагути-сана «папой», я права?

Нао вдруг сковала неловкость. По правде говоря, он чувствовал за собой вину из-за того, что не в силах называть Тагути «отцом».

— Но Тагути-сан не против. Он сказал, что не будет настаивать.

— Да, но в глубине души он хочет услышать от тебя «папа». Несомненно, очень хочет.

Нао прикусил губу.

— Мне жаль Тагути-сана, но я хочу повидаться с отцом. Я ведь вижу его всего лишь раз в год.

— Давай в этом году ты не поедешь, хорошо? Лучше отправимся в путешествие все втроём, — мягко, будто ведя опасные переговоры, предложила мать.

— Мне не нужно никакое путешествие. Просто позволь мне повидать отца.

— Я сказала, в этом году ты никуда не поедешь!

— Ещё как поеду!

Их словесные перепалки переросли в настоящую битву, где исход решала воля сильнейшего. В конечном итоге Нао уехал, так и не получив разрешения матери: сказал, что навестит бабушку, а на самом деле отправился к отцу.

Нао пришлась по душе умиротворяющая атмосфера в старом доме отца, который мужчины снимали вот уже много лет. Покинув железнодорожную станцию, мальчик прошёл через опустевшую торговую улочку и пересёк миниатюрный мост. Когда впереди показался забор знакомого дома, Нао облегчённо вздохнул.

Дом действительно можно было назвать ветхим, год от года половицы в коридоре скрипели всё надрывнее, и пусть Китагава на ужин умел угостить лишь карри, всё равно... Пока Нао дремал в крошечной гостиной с низеньким, но широким столом, на улице заливался лаем Ао. Сиро, крадучись, осторожно подсаживалась к спящему мальчику всё ближе, видимо, готовая наконец простить его.

На следующий год Нао также не нарушил традицию, да и мать перестала его отговаривать.

— Только не говори Хироюки, — просила она. Нао не проболтался Тагути ни разу, что ежегодно пропадает летом на три дня в доме у настоящего отца.

Прохладной осенью, когда Нао перешёл в девятый класс, на свет появился младший братик, внеся переполох в дом и сердца домочадцев. Часто комнаты оглашал залиvistый смех улыбчивого братишки, который нежно привязался к Нао, ведь тот порою проводил с ребёнком больше времени, чем вечно занятая мать. Вскоре с губ брата стали слетать обрывистые фразы. Переволновавшись, что подаст ребёнку дурной пример, называя Тагути «Тагути-саном», Нао стал обращаться к мужчине, как сын к отцу. Когда он впервые выдал из себя «отец», Тагути — в тот момент он что-то воодушевлённо с улыбкой рассказывал — вдруг расплакался. Нао даже испугался. Конечно, Тагути никогда не настаивал на том, чтобы слышать от Нао «папа», тем не менее, отчуждённость мальчика, должно быть, крайне его огорчала. «Я устроил ему несладкую жизнь, наверное», — раскаиваясь, подумал Нао.

Перейдя в одиннадцатый класс, Нао пришло время определяться с будущей профессией. На одной из консультаций по выбору специальности он написал, что хотел бы поступить в какой-нибудь частный университет на факультет гуманитарных наук, что явно огорчило мать. Кажется, главную проблему родители видели именно в слове «частный». Нао вложил немало сил и красноречия в свои доводы «за», признавшись, что в том вузе преподаёт интересный ему профессор, но мать лишь окинула сына встревоженным взглядом и неуверенно спросила: «Что же ты будешь изучать?» Консультирующий по вопросам выбора профессии учитель предупредил молодого человека, что обычно гуманитарные науки выбирают девушки и что карьерный рост и возможности выбора места работы будут крайне ограничены. Каждый в окружении Нао, кажется, старался показать,

что идея парня никуда не годится, отчего в его сердце стали зарождаться сомнения. В частных университетах плата за обучение в разы выше, чем в государственных, к тому же в ближайшие годы семье понадобятся деньги на образование младшего брата. «Поступай, как знаешь», — сказал ему Тагути, когда Нао обратился к отчиму за советом, однако позже нечаянно подслушал разговор мужчины с матерью о том, что лучше бы мальчику поступать на финансовый или научно-технологический факультет.

Устав от бесконечного круговорота мыслей вокруг своей проблемы, Нао решил наконец спросить совета у отца. Доно дотошно расспросил сына, в какой университет тот хочет поступать, на какой факультет, почему именно туда, а затем повесил трубку, пообещав, что подумает и перезвонит через день или два. Спустя два дня отец и правда перезвонил на сотовый Нао.

— Поступай в тот университет, на который нацелился, — просто сказал он.

— Почему?

— Ты ведь хочешь учиться там, верно?

— Да, но...

— Куда пропал твой боевой настрой? — рассмеялся мужчина. — Я раздобыл немного информации о твоём университете, Нао, и... в общем, теперь я знаю, что именно ты хочешь изучать и у какого профессора набираться знаний. Если ты настолько ясно представляешь свою цель, не вижу причин строить тебе преграды. Я даже завидую, что у тебя настолько определённые стремления.

— Правда? — переспросил Нао, всё ещё не веря своим ушам: он не ожидал настолько искреннего и обнадеживающего ответа.

— Я ходил в университет без цели. Думаю, выбирать какой-нибудь гуманитарный факультет без особой специализации — идеальное решение, когда не знаешь, чему посвятить свою жизнь. Но ты отличаешься от меня. Просто замечательно, что у тебя есть чёткая цель.

— Н-но мама, по-моему, не хочет меня понять, а учитель сказал, что мой выбор места работы будет очень ограниченным.

— Возможно, он прав, но тебе ведь действительно интересен этот профессор, верно, Нао? Это невероятное чувство, когда что-то нравится и доставляет огромное удовольствие, это поможет тебе стать сильным. Пока ты держишься того, что любишь, я уверен, все трудности тебе по плечу. К тому же одурачить самого себя не настолько легко, как кажется. Я уверен, что попытки полностью отдаваться нелюбимой работе закончатся лишь разочарованием.

Слова отца смели все сомнения, что успели зародиться в сердце Нао. В отличие от Тагути, отцовское «да» всегда было искренним и наполнено смыслом. Прежде чем высказывать своё мнение, он тщательно изучал проблему. Свои слова он на ветер не бросал. Нао знал, нельзя сравнивать этих двоих, но ничего не мог с собой поделать. *Тагути и не пытается вести со мной серьёзные рассуждения. Будто боится, что настроит меня против себя.*

Освободившись, наконец, от тягостной неуверенности, зимой своего последнего года в старших классах Нао подал заявку на поступление в частный университет в Токио, в который стремился всей душой, и получил пригласительное письмо. Занятый поисками места жительства, он стал подумывать, возможно ли переехать к отцу. Университет располагался в западной части Токио. Нао уселся за

карту и обнаружил, что отцовский дом не так уж далеко — всего в получасе езды на поезде. Практически в шаговой доступности.

Пусть Нао и проигнорировал желания родителей и поступил в университет в намерении учиться у определённого преподавателя, финансовая сторона вопроса по-прежнему его очень тревожила. Конечно же, он собирался подрабатывать, но если сэкономить деньги на оплате жилья, поселившись у отца, он сможет значительно облегчить траты семьи на своё образование.

В потрёпанном и обветшалом доме папы пустовало несколько комнат. Нао знал, что одно из помещений мужчины держали в качестве кладовки, храня там горы коробок. Нао также прекрасно осознавал, что после второго замужества мать с ещё большей неприязнью относилась к его желанию навещать отца. Но Нао практически окончил школу и уже поступил в университет — по крайней мере, теперь он имеет полное право по собственной прихоти в любое время видаться с настоящим отцом. «Тагути поймёт его, — думал Нао, — если поведать мужчине о том, что лежит на сердце».

В тот вечер мать готовила ужин, а Нао играл с младшим братом, посадив его к себе на колени.

— Мам... к вопросу о том, где я буду жить в Токио... — осторожно начал он.

— Нашёл хорошее место? Или может, сходим для начала вместе в агентство недвижимости? — бросила мать через плечо, кромсая овощи.

— Знаешь... я подумываю пожить пока у отца.

Ритмичные постукивания ножа о разделочную доску прекратились, и мать повернулась к сыну лицом.

— «Отец», в смысле...

— Отец из Канагавы. Мой университет в западной части города. Отцовский дом недалеко, к тому же у них есть свободная комната. Ты же знаешь, насколько высокая плата за обучение в частном вузе. Я устроюсь на подработку и, если поживу пока у него, смогу копить деньги на будущий съём квартиры.

— Что за глупости ты говоришь? — на лице матери застыло странное выражение — смесь ярости и отвращения.

— Я серьёзно, — гнул своё Нао. — Думаю, Тагути-сан согласится со мной. Он поймёт. К тому же я уже студент. Теперь я вправе самостоятельно принимать решения.

Мать нахмурилась и задумчиво коснулась пальцем губ.

— Но... Китагава-сан тоже живёт в его доме.

— Ах, да, точно. Но не думаю, что одзи-сан будет против. Я, правда, пока с отцом не говорил ещё. Сначала хотел рассказать всё тебе.

Повисла странная тишина, пока мать и сын прожигали друг друга взглядом. Нао постарался преподнести новость так, будто спрашивает у матери совета, однако же на девяносто процентов был уверен, что переедет к отцу. Оставшиеся десять процентов — возможный отказ Тагути.

Мать вымыла руки и присела за обеденный стол напротив Нао. «Она серьёзно настроена мне помешать», — подумал Нао и приготовился отстаивать свои желания.

— Я не позволю тебе жить у Доно, — почти что приказала она. Нао почувствовал, как внутри, вибрируя, зарождается раздражение — ему даже не дали возможности обсудить столь важный вопрос.

— Это не тебе решать. Если Тагути-сан и отец согласятся, я переезжаю.

— Но почему с Доно-то? — голос матери наполнялся истерическими нотками. — Хочешь сказать, что любишь его больше Хироюки?!

Нао терпеть не мог эту игру матери на его чувствах. Раз за разом она всю его жизнь задавала один и тот же вопрос.

— Дело не в том, кто лучше, кто хуже. Отец — это отец, а Тагути-сан — это Тагути-сан. Как ты можешь вынуждать меня их сравнивать?

Мать опустила взгляд, устало приложила ладонь ко лбу и резко выдохнула. Запустив пальцы в чёлку, она раздражённо почесала лоб у корней волос, нервно подёргала мочку уха и, наконец, подняла на сына строгий взгляд.

— Пора бы тебе уже вырасти и покончить с этим отцовским комплексом. Ты больше не ребёнок.

— Покончить? В смысле? Я не собираюсь напрашиваться к отцу, чтобы он нянчился со мной, как с младенцем. Я просто подумал, что смогу помочь семье, если...

— Если поедешь, доставишь Доно только кучу хлопот.

— Не говори за отца.

— Ты ему не сын, — тихо, но очень отчётливо произнесла мать. Слова эти были настолько нелепы, что Нао не удержался от вопроса:

— Что?

— Ты Доно не сын... Когда мы ещё были в браке, я ему изменила и забеременела тобой от другого мужчины. Я любила Доно и не хотела с ним расставаться, но он меня не простил. Он настаивал на разводе,

но я и слушать ничего не хотела... тогда много чего случилось, и вот родился ты. Я попросила его не направлять в суд отказ от отцовства, так что официально Доно твой отец, но кровной связи у вас нет.

— Ка... какого чёрта... — в горле пересохло. Голос дрожал. Руки, обнимающие младшего брата, тоже затряслись. Мать, заметив состояние старшего сына, забрала ребёнка из рук Нао, и тот, облокотившись о стол, обхватил голову руками.

— Раз ты говоришь, что папа... мне не настоящий отец, тогда чей же я сын?.. — низким, рычащим от гнева голосом спросил он.

— Хироюки Тагути, — негромко ответила мать. Нао медленно поднял на неё взгляд.

— Хироюки твой настоящий отец, — повторила она.

«Какого чёрта здесь вообще происходит?!» — в отчаянии думал Нао.

— Я изменила Доно с Хироюки. Мы оборвали нашу связь ещё до развода с Доно, но семь лет назад снова пересеклись. Мы оба пережили... очень многое, и пусть каждого из нас одолевали свои проблемы, нам подумалось, что на этот раз всё может устроиться. Мы снова и снова обсуждали, как быть, и решили попытать счастья во второй раз. Хироюки плакал, когда узнал, что сможет, наконец, стать своему сыну настоящим отцом.

Нао всегда считал Доно своим отцом. Его уверенность была настолько сильной, что никакие сомнения не могли прокрасться в сердце мальчика. Нао до сих пор отчётливо помнил свою первую встречу с папой в Канагаве во время летних каникул. Помнил ласковое поглаживание по голове... и то тепло, что заставило его сердце трепетать от счастья. Всё это время Нао приписывал свои

душевные волнения тому, что любимый настоящий отец его признал и принял. Он всегда объяснял их своими сыновними чувствами к дорогому человеку.

— ...изменила ему? — зарычал Нао, всё ещё не поднимая головы. — Какого чёрта, а?! Почему Тагути? Вы повторно плюнули отцу в лицо!

— Мне нечего тебе возразить. Я изменила ему, это правда... Но и Доно всё это время не был одинок. У него всегда был Китагава-сан.

— ...одзи-сан?.. — поднял Нао удивлённый взгляд на мать.

— Китагава-сан и Доно любовники.

Нао просто не в состоянии был больше воспринимать окружающую действительность. *Мне и так тяжело осознавать, что папа мне не настоящий отец, но что они с одзи-саном любовники... Да не может быть! Да, они очень хорошо ладят. Они очень близки, но на любовников не похожи. Они никогда не показывали одержимость друг другом. Мне казалось, они просто близкие друзья, живущие под одной крышей.*

В голове сплошная каша. Мама изменила отцу с Тагути. Родился я, и она развелась с отцом. После развода она вышла замуж повторно за Тагути, а отец и одзи-сан стали жить вместе. Вполне логично на словах. Логично, но чувства Нао не поспевали за логикой. Он не хотел признавать всей этой правды.

— Значит, папа... знает, что я ему не сын, верно?..

— Да. Именно поэтому мы и развелись.

Ребёнок, появившийся на свет из-за неверности жены. Этим ребёнком был Нао. *Тогда кто я для папы? Живое доказательство предательства жены? Неоспоримое свидетельство её ошибки?*

Нао в ужасе прикрыл ладонями рот. *Не мать с Тагути плюнули отцу в лицо. Это я его оскорбил. Я... тем, что родился.* В первую поездку в старый дом отец испытывал неловкость и вёл себя поначалу равнодушно. Теперь Нао понял причину того странного поведения. *Конечно, отцу неприятно было видеть меня. Конечно же, я не мог стать ему дорог. Конечно, он не мог полюбить меня.*

Но всё же... оборвал себя Нао. Он чувствовал неподдельную любовь Доно. Нао чувствовал, что они действительно заботятся о нём. Тот дом, где под одной крышей живут двое мужчин, наполнен атмосферой любви. Ради того, чтобы провести с ним несколько дней во время летних каникул, они оба отпрашивались с работы. Они внимательно выслушивали все его глупые истории. Они терпеливо помогали ему решить все мелкие проблемы, что вставали на его пути.

— ...папа ничего мне не рассказывал.

Братишка Нао захныкал, и мать стала покачивать его на руках, убаюкивая.

— ...каждое последующее лето после первой поездки к Доно ты бился в истериках, умоляя отпустить тебя повидаться с ним, помнишь? Тогда я позвонила Доно. Мы решили, что тебе нужен отец, как и всем детям, и Доно сказал: «Если ты не против, я возьму на себя роль отца, пока ты снова не выйдешь замуж». Но и после свадьбы ты видел в Доно отца, и привязанность твоя не остывала... И ты был ещё так мал. Я просто не могла сказать тебе правду.

Мать горько вздохнула, не переставая покачивать братишку на руках.

— Видимо, Доно очень о тебе заботится... очень, раз ты ни разу не усомнился в том, что он твой настоящий отец.

К глазам Нао подступили слёзы. Доброта отца, его кроткая ложь, ребяческое желание самого Нао... *ну почему он мне не настоящий папа? Почему не он?..* Нао закрыл лицо руками и заплакал.

— Я думаю, ты был очень счастливым ребёнком, — прошептала мать.

После окончания университета Нао устроился работать в крупнейшее издательство «Синкаса», выпускавшее литературный журнал *Quo Vadis*²⁰, и молодой человек надеялся заполучить место в его редакторском отделе. Однако карты легли иначе, и Нао направили в редакцию ежемесячной медицинской газеты.

Мало того, что он просил направление на совершенно другое поприще, так ещё медицинские журналы изобилуют неизвестным ему профессиональным жаргоном. Выучить все эти словечки уже стало заданием не из простых. Более того, научные труды, что составляли большую часть всего содержимого газеты, по своей структуре и задачам коренным образом отличаются от романов. Так что свою работу Нао пришлось начать с полной реорганизации своего образа мыслей.

Поначалу он, как только выпустившийся редактор, бесполезным грузом висел на плечах коллег, как, впрочем, и любой новоиспечённый специалист. Пришлось смириться с бесконечными приказами и упрёками старших по званию: собери материал, убери подальше этот мусор. Время от времени ему поручали оформить

²⁰ *Quo Vadis* (лат. читается «Кво вадис»), «Камо грядеши», «Куда Ты идёшь?» — предложение (в форме вопроса) задуматься, правильно ли человек живёт, туда ли идёт в своей жизни, верны ли его жизненные цели, ценности и т.п.

наименее значимую страницу в газете, после чего он получал нагоняй за то, что слишком долго возится с такой мелочью.

Время летело, подоспел июнь, и Нао более или менее свыкся с недовольными воплями старших и перестал вздрагивать при каждом промахе. Однажды ему вручили иллюстрацию какого-то человеческого органа и приказали подшить в папку к другим документам. Нао взглянул на подпись художника и удивился: в углу значилось «Кэй Китагава».

Одзи-сан. Возлюбленный отца, с которым они жили под одной крышей. Нао давно уже знал, что Доно ему не родной отец, но по-прежнему думал о нём как о «папе».

Да, его поразила новость о том, что мужчины любовники, но Нао не видел ни одной причины ненавидеть их. *Помню, одзи-сану здорово удавались такие иллюстрации. Он всё время их рисовал. Сознание сразу подкинуло ностальгические воспоминания. В мою первую к ним поездку он чуть не упустил крайний срок сдачи работы, потратив время на меня, из-за чего папа устроил ему хорошую взбучку. А в следующие годы оба отпрашивались с работы на все три дня, чтобы проводить со мной каждую минуту нашего времени вместе. Одзи-сан больше ни разу не доставал свои карандаши-ручки, и я совсем позабыл, что он работает иллюстратором.*

Китагава до сих пор занимался тем, что удавалось ему лучше всего — иллюстрированием книг. Раз он работал, значит, он жив и здоров. А отец?.. а Ао? И Сиро? Узнав перед поступлением в университет правду о том, что Доно ему не родной отец, Нао больше их не навещал. Он просто не мог.

В тот день за обедом Нао подошёл к старшему коллеге, Сайкаве, который вручил ему рисунок, и как бы невзначай коснулся волнующего его вопроса.

— Кстати, о сегодняшней иллюстрации... такая невероятная детализация, не находите?

Сайкава, жадно заглатывающий булочку за своим заваленном кипой бумаг столом, переспросил:

— Иллюстрация? — задумавшись, повёл он головой. — А, та, что нарисовал Китагава-сан, — пробормотал он. — Он знаменитый иллюстратор в нашей области. У него потрясающий талант к детальной прорисовке объектов, что идеально подходит для изображения органов и всего такого. Плюс, он скор на руку. У него много поклонников и среди авторов романов, так что иногда он рисует и для литературных журналов.

— Ясно... — поскольку Нао намеревался работать редактором романов, он досконально изучил множество литературных журналов, но никогда прежде на глаза ему не попадались иллюстрации Китагавы.

— Вы когда-нибудь встречались с Китагавой-саном прежде? — спросил Нао.

— Ага. Статный мужчина пятидесяти лет. Немного грубый с виду, поэтому поначалу я его побаивался. Но стоит с ним поболтать, и страх улетучивается.

«Думаю, первое впечатление об одзи-сане у всех одинаковое», — улыбнулся Нао про себя. Вдруг Сайкава оглянулся по сторонам, а потом проговорил тихим голосом:

— Ты от меня этого не слышал, но... поговаривают, что Китагава-сан гей.

У Нао ёкнуло сердце.

— Я слышал, что он долгое время жил с каким-то парнем. А где-то года три назад он вдруг взял и поменял фамилию на «Доно». Хотя работы свои по-прежнему подписывает «Китагава». У нас весь редакторский отдел долго мусолил эту новость, странно всё-таки пойти на такой шаг в его-то возрасте.

— Ммм...

— Какой-то храбрец задал ему этот вопрос в лоб, и, похоже, Китагава-сан ответил, что его усыновили. Думаю, больше расспрашивать у того наглеца не хватило духу.

Заметив заскучавший вид Нао, Сайкава поспешил замять тему:

— Ну, в наше время таким не удивишь, — заметил мужчина. — Я не жалею, что ты. Гей он или нет, главное, что отлично выполняет свою работу.

В тот день Нао допоздна засиделся в редакторском отделе в поисках хоть какой-нибудь работы Китагавы для этого издательства. Медицинские газеты, ботанические журналы, литературные журналы... оказалась, что все они пестрят иллюстрациями Китагавы.

Жаль, что Нао больше не может беспечно, как прежде, болтать с отцом. *Пап, одзи-сан так усердно работает и теперь получил признание такого огромного количества людей. Он удивительный, да? Совсем как знаменитость.* Как бы Нао хотелось всё это сказать отцу с глазу на глаз.

Он сохранил номер телефона в отцовском доме в Канагаве и даже сотовый папы. Пусть Нао сменил свой мобильный, пусть больше

с ними не общался, он ни за что не мог удалить два этих дорогих сердцу номера.

Нао задумчиво уставился на свой сотовый, что лежал перед ним на рабочем столе. Он давно уже знает правду. Он больше не глупый ребёнок. Здравый смысл подсказывал — не звони. И он не позвонил. Теперь он умел обуздывать свои желания... но в то же время чувствовал себя жалким и несчастным.

Время летело незаметно, и вот уже год и один месяц прошли с тех пор, как Нао впервые оказался в редакторском отделе медицинской газеты. Однажды воскресным утром, когда позади осталась радостная пора майской Золотой недели, Нао заскочил на работу в свой выходной день по той простой причине, что один автор немного припозднился со сдачей рукописи, и теперь, получив материал курьерской почтой, Нао тут же в офисе принялся его редактировать.

Время перевалило за пять вечера, Нао подумывал уже закругляться и выдвигаться потихоньку домой, как в офис вошёл Сайкава. Коллега, едва передвигая ноги, пересёк комнату и стал шуршать бумагами на своём рабочем столе.

— Что вас привело в офис в выходной день? — удивлённо обратился к нему Нао.

Сайкава криво улыбнулся, встретившись взглядом с младшим коллегой.

— Один из моих подопечных иллюстраторов ушёл с мир иной. Главный редактор только что огорошил меня этой новостью. Сказал, что похороны уже завтра. Я слышал, ему нездоровилось в последнее время, но не думал, что он так вот быстро скончается. Похороны

должны пройти в его съёмном доме, но мой ежедневник и его визитка как назло куда-то запропалились, а я не помню адреса... о, вот оно. Вроде то что нужно.

Нао замер, будто громом поражённый, заметив в руках Сайкавы конверт, на обратной стороне которого неровным почерком было выведено: «В редакторский отдел, Кэй Доно».

— К-кто, вы сказали, скончался?

— Китагава-сан, иллюстратор... ага, Канагава. Никогда там не был. Доберусь, а на месте уже такси возьму...

Сайкава наспех разрезал конверт, оставив себе клочок с адресом.

— А ты-то что здесь забыл? — вдруг опомнился он. — А, рукопись Сатакэ-сана пришла? Вечно он не укладывается в сроки. Ну, удачи.

Сайкава направился прочь из офиса, но Нао вовремя успел его окликнуть.

— Стойте! — громко позвал он сэмпая. — Родственники придут проститься с ним сегодня?

— Наверное. А что, тоже хочешь? — удивлённо склонил набок голову Сайкава. — Ночь перед похоронами с покойником проводит только семья, разве нет? К тому же ты ни разу не виделся с Китагавой-саном. Если хочешь проститься, лучше тебе поехать завтра. Можешь отправиться к нему со мной за компанию.

— ...нет, не стоит.

Только Сайкава ступил за порог офиса, как Нао отшвырнул в сторону рукопись и стремглав бросился домой переодеться в траурный наряд. Как-то раз, когда Нао ещё и месяца не проработал на своём

посту, его пригласили на похороны одного из коллег. Траурного костюма у молодого человека на тот момент не было, уже близился вечер, но он, к счастью, успел заскочить в ближайший специализированный магазин. Уяснив урок, он аккуратно хранил теперь траурную одежду и конверты для денег в качестве соболезнования в углу платяного шкафа. Кто бы мог подумать, что они снова пригодятся ему так скоро.

Нао наспех переоделся и поспешил сесть за руль. Оставив позади узенькие дороги жилых кварталов, он присоединился к потоку машин на крупной автомагистрали. Получив водительские права четыре года назад, Нао первым делом приобрёл себе подержанный автомобиль. К отцу поехать он не решался, но пару раз наведывался на тот длинный пляж, где они втроём проводили счастливейшие дни его детства.

Нао погрузился в мрачные мысли... вот он мчится на всех парах к отцу, но неужели Китагавы действительно больше нет? Слова Сайкавы, эта неожиданно обрушившаяся на него правда казались плодом его воображения. Конечно, от смерти никто не застрахован, но Нао отказывался верить в эту небылицу, пока страшная картина не предстанет перед его собственными глазами.

В его последних воспоминаниях об одзи-сане они все вместе отправились на рыбалку. Это было предложение самого одзи-сана, но, как оказалось, рыбак из мужчины неважный. Он раз за разом вытаскивал из воды пустой крючок, а отец без конца над ним подшучивал.

Сколько было Китагаве? Он на два года старше отца, значит, всего лишь около шестидесяти. Слишком рано умирать. Чуть-чуть слишком рано.

Нао решительно держал курс на медленно заходящее солнце. Ослепительный блеск последних лучей умирающего светила до слёз резал глаза. Заходы солнца — обыденная вещь, но этот закат казался особенно одиноким и печальным. Не отвести взгляда... как же это раздражало.

После сорокаминутного пути по автостраде Нао свернул на обычную трассу. Он уже заранее смирился с возможной пробкой, но дорога оказалось свободной, видимо, здесь всегда так воскресными вечерами. Он пронёсся мимо береговой линии, пересёк железнодорожные пути, позади остались станция и полицейский участок. Свернул у «Парикмахерской Ито» и припарковался на стоянке около супермаркета, который построили здесь ещё во время его учёбы в старших классах. Нао помнил, что у дома машину оставить негде. «Надо же, я так спокоен сейчас», — подумал он, захлопнув дверцу автомобиля.

Когда стоянка осталась позади, ноги сами пустились в бег. За крошечным мостом, который он когда-то пересекал в семь долгих прыжков, уже виднелся старый одинокий дом. От вида чёрно-белых драпировок на заборе Нао с тоской почувствовал, будто сердце покрылось ледяной коркой. Он застыл на месте, ноги больше не слушались. К горлу подползала удушающая хватка страшной правды.

Я должен убедиться, что это не обман зрения. Если не найду в себе силы, то не было смысла вообще приезжать. Нао медленно возобновил свой путь. Впервые за последние пять лет он прошёл

сквозь эти до боли знакомые ворота и услышал приглушённый голос, нараспев читающий молитвы. Чуть в стороне от бетонной дорожки, бегущей к парадному входу, поставили столик, где пришедшие проститься записывали свои имена. Среднего возраста женщина, лет пятидесяти трёх, низко поклонилась Нао, когда он протянул ей конверт с деньгами.

— Пожалуйста, проходите, — пригласила она.

Нао медленно переступил через знакомый порог и уловил пряный аромат благовоний. Мягко ступая по скрипучему тонущему в сумерках коридору, он вошёл в гостиную с низеньким столом. В комнате установили маленький алтарь, приклонив колени у которого, читал молитвы буддийский монах. С фотографии в чёрной раме на Нао задорно глядел Китагава. На его морщинистом лице играла беззаботная мальчишеская улыбка.

Это не игра воображения, не ложь и не злая выдумка. Жуткая действительность оглушающей морской волной обрушилась на Нао. Это правда... она неподъёмным камнем легла на сердце. И в душу ворвалась паника.

Около стены на коленях сидел Доно в траурном наряде. Заметив Нао, отец удивлённо моргнул.

— Пожалуйста, прими мои... соболезнования, — выдавил из себя Нао, пытаясь за пустой формальностью скрыть своё волнение. Он опустился на татами и низко поклонился, касаясь лбом пола.

— Знаю, я не имею права сегодня здесь находиться. Но одзи-сан был так добр ко мне. Пожалуйста, позволь мне зажечь в его память благовоние.

— Нао, подними голову, — слышался тихий голос. Молодой человек оторвался от пола. Глаза отца оказались такими же добрыми, как и в детстве.

— Спасибо, что пришёл. Я уверен, Кэй тоже хотел бы с тобой повидаться. Иди простись с ним. Он немного осунулся с тех пор, как вы встречались в последний раз...

Нао осторожно приблизился к гробу. На неподвижно покоемшемся Китагаве были белые одежды, на бледном лице, будто маска, застыло безразличное выражение. Щёки впали, тело стало совсем худым. Волосы — словно выпавший снег... он так постарел.

При первой встрече Нао поразил его высокий рост и ужаснул дикий пугающий вид. Но вскоре мальчик проникся симпатией, а потом и полюбил его.

К сердцу подступила огромная волна неизлечимой тоски, и из глаз хлынули слёзы. *Нужно было продолжать нагло навязываться им. Так же, как в школе, молить их о любви и внимании. Надо было сделать вид, что я не знаю правды, что ничего не слышал, и продолжать их навещать. Жаль, что я так мало разговаривал с одиозным. Я так его любил... всегда хотел стать таким же великодушным человеком, как он.*

Слёзы было не прекратить. Отец ласково обнял Нао за плечи.

— Если хочешь... отдохни немного в той комнате.

Только когда отец помог ему подняться на ноги, Нао осознал, что, уткнувшись головой в пол, в голос всхлипывал, не замечая стоящего позади человека с палочкой благовоний в руках. Отец отвёл Нао в комнату, что некогда была спальней двух мужчин, и вернулся в гостиную. Оставшись один, Нао захлебнулся сменяющимися одно

другим бесконечными воспоминаниями и вновь потревоженными чувствами. Сколько он так просидел, упиваясь горькими слезами? Откинувшись на спину, Нао уставился пустым взглядом в потолок и услышал, как отодвигается дверь в спальню.

— Нао, — позвали его, и он поднялся на голос.

— Прощание закончено.

И правда, монотонные молитвы монаха замолкли. На отце не было пиджака.

— Ты ничего не ел, да? Вот, перекуси, если хочешь.

Мужчина держал в руках поднос, на котором уместились рисовый шарик и чашка мисо-супа.

— Их оставила Томоко... моя сестра.

— Не волнуйся. Мне не хочется есть.

— Хотя бы немного откуси. Пусть хоть что-нибудь болтается в желудке, — продолжал настаивать отец. — Когда закончишь, приходи в комнату с алтарём.

Доно ушёл. Нао уставился на аккуратный рисовый шарик. Есть не хотелось, но слова отца засели в голове. *Хотя бы немного откуси.* И он дважды откусил от рисового шарика. Остальную еду Нао отнёс на подносе в кухню.

Опустевший дом заполнили тишина и покой. Ни звука. Нао осторожно заглянул в комнату с алтарём — отец в одиночестве сидел у гроба, отпивая из жестяной бутылки пиво. Удивительно было наблюдать, как этот обычно педантичный человек нарушает негласные правила.

— Полегчало? — спросил отец.

— А, угу, да...

— Как ты сюда добрался? На поезде? Или на такси?

— На своей машине. Припарковал её на стоянке у супермаркета около моста...

Отец кинул взгляд на часы.

— Уже девять... там никого нет. В пригородах магазины закрываются рано. Вход на стоянку тоже под замком... а, но может быть, кто-нибудь остался в их офисе. Позвонить?

— Не волнуйся. Я доберусь на такси или придумаю что-нибудь.

— Правда?.. Прости... транспортное сообщение в пригородах не на высоте. А ты и так уже проделал из-за нас такой долгий путь.

Отец хлебнул ещё пива. Нао оглядел комнату.

— В доме больше никого не осталось?

— Сестра с мужем ночуют в отеле неподалёку.

На лице отца колыхались тени от свечей. Он выглядел усталым. Китагава постарел, но и отец не избежал этой участи.

— Завтра будет сумасшедший день, — пробубнил себе под нос отец. — Но не думаю, что придёт так уж много желающих проститься. Я не знаю, где родители Кэя. Наверное, появятся только коллеги. Мои родители уже умерли, и сестра единственный родственник с моей стороны.

Отец говорил немного бессвязно и механически, будто робот, подносил к губам жестяную банку.

— Кстати, Нао, ты уже взрослый... Выпьешь со мной?

— Пожалуй... откажусь.

— Ладно, — ответил отец, чуть улыбнувшись. — Я рад, что ты пришёл. Я и не думал, что ты появишься. Уверен, Кэй тоже счастлив. Но удивительно, как же ты узнал... Марико я не ставил в известность.

— Я работаю редактором в издательстве «Синкаса».

Отец удивлённо моргнул.

— Значит, всё-таки стал редактором.

— Один из моих старших коллег сотрудничал с одзи-саном. От него я и узнал.

— Ясно, — пробормотал отец. — Кэй, слышишь, Нао редактор. Твоё предсказание не сбылось. Ты говорил, что Нао скорее станет государственным служащим.

— Правда?

— Он говорил, что тебе суждено работать на государство, потому что ты серьёзный и приземлённый. Ты был так уверен в своей правоте, да, Кэй?..

Отец обращался к гробу, будто в надежде получить ответ. «Может, он пьян», — подумал Нао. Но речь его была чёткой и вразумительной.

— Можно спросить? Чем одзи-сан был болен?

Отец печально опустил взгляд.

— Рак лёгких. А ведь он ни разу не взял в рот сигарету. Когда мы узнали, было уже слишком поздно. Даже операцию было бессмысленно делать. Всего полгода прошло с тех пор, как выяснилась правда... это время пронеслось как в тумане.

Нао показалось, что через настежь распахнутое окно в комнату ворвались чьи-то голоса, но двор пустовал. Зашелестели листья. Видимо, поднялся ветер.

— Пап, а где Ао?

— Ао умер. Три года назад, если не ошибаюсь... он прожил долгую и яркую жизнь, как мне кажется, но его смерть стала ударом

для Кэя. Было больно на него смотреть. Пёс был щенком другой собаки, которую Кэй однажды привёл к нам в дом. Кэй так к нему привязался. Примерно в то же время исчезла и Сиро. Кэй сказал, что больше никогда не заведёт домашнее животное, но в конечном итоге передумал, и мы только начали подумывать о новом питомце, как обнаружилась его болезнь, а потом... было уже не до этого.

Отец качнул жестяную банку, послышалось хлюпанье оставшегося на дне пива.

— Марико и Тагути-сан в порядке? — спросил он. — Твой младший брат, должно быть, теперь младшеклассник.

Нао вдруг вспомнил причину того, почему не решался показываться в этом доме.

— Прости... — поклонился он. — Прости меня. Я... я понятия не имел о том, что произошло между вами с мамой...

— Тебе не за что извиняться.

— Но мама и я... для тебя, для тебя это, должно быть, выглядело плевком в душу. А потом она ещё и вышла за Тагути...

Отец улыбнулся.

— Мне правда всё равно. Ведь это я положил конец нашим отношениям без возможности их наладить. Когда ты приехал к нам в первый раз, я очень удивился. Но играть в отца с сыном оказалось забавно. Всё началось с притворства, но вскоре ты стал мне настоящим сыном. Помнишь, ты обращался ко мне за советами, посвящал меня в свои подростковые проблемы. Я чувствовал себя глупо, но было так забавно. Ты принёс мне много счастья. И, думаю, Кэю тоже. Он любил детей и совсем заскучал, когда ты перестал нас

навещать. Постоянно спрашивал: «Как думаешь, он ещё к нам приедет?»

От этих слов Нао растерялся. На глаза навернулись слёзы.

— Но я ребёнок Тагути, — возразил он. — Я следствие маминой интрижки. Как я мог вернуться...

— Знаешь, — прервал его отец, опустив взгляд. — Не важно, чей ты ребёнок. Нао, ты как личность всегда был мне очень дорог. Пусть ты мне не настоящий сын, ты мог бы приезжать как друг.

Отец поставил банку из-под пива на пол.

— Думаю, мне достаточно алкоголя. Кому будет приятно, если ближайший родственник заявится на похороны с похмелья.

Отец оглянулся на алтарь и прошептал:

— ...как бы я хотел умереть с тобой.

Нао с трудом сглотнул подступивший к горлу комок. Отец повернулся к нему. На лице лёгкая улыбка.

— Шучу. Знаешь, мне кажется, для Кэя лучше всего было уйти первым. Когда умер пёс, он месяц не мог нормально есть. Пусть временами он и казался равнодушным к окружающему миру, но смерть всегда глубоко ранила его сердце.

Отец не плакал. Он улыбался. Но Нао казалось это неправильным. Его любимый мёртв. Человек, с которым он поделил столько долгих лет, мёртв... *Он не должен улыбаться.*

— Пап... разве тебе не грустно?

— Грустно, — ответил отец, чуть заметно кивая.

— Тебе не хочется плакать?

На мгновение повисла пауза.

— Слёзы не вернут Кэя назад... ох, наверное, я всё-таки перебрал.

Взяв с пола банку, отец попытался встать на ноги, но Нао схватил его за руку, и тот так и остался в согнутом положении, устремив на Нао чуть расфокусированный взгляд.

— Пап, это несправедливо.

Лицо Доно вытянулось от удивления, а потом искривилось, будто от острой боли.

— ...это несправедливо.

Жестяная банка выскользнула из руки и покатилась по татами. Отец опустил взгляд и закрыл лицо свободной рукой. Плечи его задрожали. Второй рукой он до жгучей боли сжал в ответ ладонь Нао.

Первую неделю после похорон Китагавы Нао добирался на работу из старого отцовского дома в Канагаве. Папа не просил о компании, но Нао не хотелось оставлять его одного.

Наконец в начале второй недели отец поднял этот вопрос:

— Я ценю твою заботу, но не отказывайся от своей собственной жизни ради меня. Возвращайся к себе.

Он прав. Нао знал, что отец сможет сам справиться со своим горем. Но беспокойство никуда не пропадало, и в конечном итоге Нао покинул отцовский дом только после того, как подарил ему собаку.

В зоомагазине он попросил пса совершенно любой породы, лишь бы тот долго прожил. На мгновение продавец потерял дар речи от необычной просьбы, но потом пробормотал: «Наверное, Вам нужна дворняжка» и добавил, что в их магазине только породистые собаки.

Дворнягу Нао найдёт в любой ветеринарной больнице или в питомнике.

На лице отца отразились смешанные чувства, когда он увидел чёрного щенка, что Нао подобрал в приюте, но всё же в итоге согласился его приютить. Под предлогом «повидать собаку» Нао стал часто навещать в Канагаву.

Когда Нао завёл девушку — свободного писателя, — щенок превратился уже в крупного пса, и парочка стала вместе ездить в одинокий дом в приморском городке. На следующий год молодые люди поженились, и о младенце молодой четы отец узнал первым после родителей Нао.

— Доно-сан похож скорее на отца, чем на друга, — однажды поделилась с Нао своим наблюдением жена.

— Да, мы притворяемся, будто мы действительно отец и сын, — ответил Нао.

— Ты странный, — засмеялась жена.

На седьмой год их совместной жизни в последний день летних каникул и Обона²¹, Нао с пятилетним сынишкой тряслись в вагоне поезда. И всё из-за данного задолго до того обещания провести этот день на пляже. Нао намеревался отправиться к океану на машине, но жене понадобился автомобиль для командировки, и муж уступил.

Поезд, покачиваясь, на всей скорости нырнул в узкий проезд между домами. Ещё утром сына переполняло счастье от возможности прокатиться на поезде, теперь же он угрюмо и молча сидел рядом с отцом, надув губы. Виной тому — серьёзная взбучка, которую Нао устроил сыну перед самой поездкой: мальчик ввязался в детском саду

²¹ *Обон* — японский трёхдневный праздник поминовения усопших.

в драку с ровесником. Дело закончилось травмой. Свора началась из-за того, что сын Нао отобрал у ребёнка игрушку. Сам отец узнал о случившемся от жены лишь сегодня утром.

— Кэйта, — позвал сына Нао. Тот поднял на отца сердитый взгляд, и Нао пересадил надувшегося ребёнка себе на колени. — В следующий раз подойдёшь к тому мальчику в садике и извинишься, хорошо?

Сын упрямо молчал, плотно сжав губы. Тогда Нао больно ущипнул мальчика за тыльную сторону ладони.

— Ай! — закричал Кэйта, отбрыкиваясь от хватки отца. На глаза малыша навернулись слёзы.

— Мне сказали, что у ребёнка пошла кровь. Ему было намного, в сто раз больнее, чем тебе сейчас.

Кэйта надул губы, готовый вот-вот расплакаться.

— Не делай другим того, что тебе самому не нравится. И не позволяй другим людям делать это с тобой. Если будешь следовать этим правилам, никогда не свернёшь с верного пути. И станешь очень хорошим парнишкой, Кэйта.

Нао почудилось, будто он уже слышал эти слова, его же собственные слова, прежде. Но где? Память не успела услужливо подбросить ответ — Нао всецело захватил открывшийся взору потрясающе прекрасный вид за окном.

Перед глазами расстилался тот же искрящийся бескрайний океан из тех далёких летних каникул в младшей школе.